

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

New York
Public Library
5th Ave. & 42 St.
New York 18, N.Y.

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO 243 West 56th Street, New York 19, N. Y.

Новое о Гоголе

В сборнике «Литературное Наследство», посвященном Пушкину, Лермонтову и Гоголю, последнему уделено очень много места.

Об авторе «Мертвых Душ» сообщается много чрезвычайно ценные неопубликованные до сих пор сведения. Взятые они из различных государственных и частных архивов, главным образом из обширных архивов семьи Аксаковых, находившихся с Гоголем в постоянном и тесном общении. Опубликованные в сборнике, дают очень интересный материал для понимания сложной личности Гоголя и его трагедии, начавшейся с «переписки с друзьями» и закончившейся сожжением второй части Мертвых Душ и фактически самоубийством Аксаковы были проникнуты славянофильскими и религиозными настроениями и им был чужд тот интеллигентский позитивизм и радикализм, с точки зрения которого Берлинский критиковал Гоголя в знаменитом письме к нему. Но и Аксаковы, письмами которых к Гоголю полон сборник, в глубокой тревоге и смущении следят за поворотом писателя в сторону реакции и мистики.

Восторженные ценители таланта Гоголя. Аксаковы в этом повороте его чувствуют угасание таланта и великую утрату для русской литературы.

Кн. Гагарин, эмигрировавший во Францию, принявший католичество и вступивший в орден иезуитов, горячо приветствует Гоголя за его уход в мистически религиозный мир. В публикуемом впервые письме от 28 марта 1849 г. кн. Иван Гагарин пишет из Парижа Шереметевой о Гоголе: «Чрезвычайно меня утешило то, что вы мне сообщаете о Николае Васильевиче. Потрудитесь поблагодарить его за воспоминания и скажите ему, что я давно уже помню его в своих грешных молитвах, а теперь и за святым алтарем. Ему Господь даровал редкий талант, и в день страшного суда он будет от него требовать отчета в употреблении сего таланта. Для благого употребления сего таланта нужна большая благодать и следовательно, теплая ревностная непрестанная молитва. Я чрезвычайно утешен буду, если узнаю, что Николай Васильевич растворяет учение молитвою и молитву учением. Церковная история представляет его деятельному и наблюда-

тельному уму обильное поприще».

Так же одобительно отнеслась к мистическим настроениям Гоголя и известная, состоявшая Пушкиным А. Смирнова, одно время оказавшая сильное влияние на Гоголя. Но семья Аксаковых, настроенная очень религиозно, совершенно иначе оценила новое мистическое настроение писателя.

26 августа 1946 г. С. Т. Аксаков пишет И. С. Аксакову: «Увы, исполняется мое давнее опасение. Религиозная восторженность убила великого художника и даже сделала его сумасшедшим. Это истинное несчастье, истинное горе. Впрочем, ласкаю себя надеждой, что это какнибудь да не так; может быть он изорвал прежнее продолжение Мертвых Душ и написал новое. Истина должна скоро открыться. Меня удивляет эта несообразность — если он отказывается от всего им написанного, зачем второе издание «Мертвых Душ»?

Появление «Выбранных мест из переписки с друзьями» и слухи о сожжении второго тома Мертвых Душ чрезвычайно взволновали все литературные круги и глубоко огорчили поклонников таланта Гоголя. Большая семья Аксаковых в переписке друг с другом, впервые публикуемой, чрезвычайно взволнованно отзывается на это явление нового Гоголя, для них непопятного.

Передавая своему сыну Ивану о волнении, вызванном мистическим и реакционным настроением Гоголя, О. Аксакова пишет: «С изумлением разиня рот и поднявши руки, слушали мы письмо твое о книге Гоголя. Вот тебе, Ванюшка, семейная картина при чтении твоего письма, более ничего не скажу. Отец так много и сильно написал, что прибавлять уже не стоит. Шевырев хочет отвечать печатно. Он сильно раздражен. Одно сильное действие возбудила во мне эта книга: сильное негодование. Вот и польза этой книги. До сих пор не могу истребить у себя этого ощущения, оно и поддерживается вестями, что он иначе не ходит, как потупя взор и ему говорят тихо с подобострастием: «Николай Васильевич, Николай Васильевич, а хорошо ли это блюдо?», а он, кушая, отвечает: «Софья Петровна, думайте о душе вашей». Я люблю в нем истину, а не притворство».

Еще более резко отзывается

о переписке Гоголя А. Станкевич:

«Получили мы письма Гоголя к друзьям, пишет он Щеплину. Вот, брат, штука. Я даже такого не ожидал. Книжка довольно толстая и ни строки путной. Читать ее тяжело, жалко и досадно, чорт знает как. Гоголь сделался Осипом, только резонерствующим в духе отвратительного ханжества. Есть поразительные вещи: в одном месте Гоголь говорил, что в нем такое сцепление мерзостей, какое он не встречал ни в ком. Эти мерзости, говорит он, отделил только от себя в лицах, им воспроизведенных. Я думаю, что он врет тут на самого себя... Вряд ли после такой книжицы дождемся чегонибудь путного от Гоголя».

Но это мрачное отпевание таланта Гоголя его друзьями сразу стало просветляться, когда Гоголь начал читать отрывки из второй части Мертвых Душ. Та же переписка Аксаковых, принявшая после появления переписки с друзьями такой мрачный тон, расцветает вновь верою в великий и неумирающий талант писателя. Гоголь читает отрывки из второй части и все слушающие приходят в восторг и забывают об устроивших похороны таланта Гоголя. Мрачная туча, нависшая над писателем после «Переписки с друзьями» и так угнетавшая его близких друзей, сразу рассеялась и показало солнце великого Гоголевского таланта, когда приходя к друзьям и в первую очередь к Аксаковым, он скромно вынимал тетрадку и начинал читать отрывки из второго тома «Мертвых Душ».

Печатаемые в сборнике впервые публикуемые письма современников, полны восторгов по поводу второй части «Мертвых Душ».

Надо отметить, что не все друзья Гоголя и в том числе не все Аксаковы отнеслись резко отрицательно к его переписке с друзьями. И. С. Аксаков в письме к отцу выражает восторг по поводу Гоголевской переписки. Гоголь, пишет он в этом письме, является как идеал художника — христианина. Но это был одинокий голос, вызвавший горячий протест со стороны остальных членов многочисленной Аксаковской семьи. Чтение Гоголем отрывков из Мертвых Душ сразу прекратило разговоры о переписке и вновь создало вокруг писателя сияние великого таланта.

В. С. Аксакова пишет М. Карташевской 29 августа 1949 года:

«Не могу умолчать, перед тобою о том, что так порадовало нас, но это великий секрет. 19 числа Гоголь читал нам первую главу второго тома «Мертвых Душ» и, слава Богу, это так хорошо, даже выше и глубже первой части, по общему приговору. Ты можешь себе представить, как мы были обрадованы».

Горячая волна радости по поводу воскресения таланта Гоголя проходит по всем письмам его друзей, слышавших чтение отрывков второго тома «Мертвых Душ».

В. Аксакова рассказывает, как пришел к ним Гоголь вечером: «Константин уже дремал Гоголь его подталкивал, будил и сказал: «Прочтите чтонибудь, хотя бы Мертвые Души». Константин сказал: «Очень рад, принесу». (он и мы думали, что Гоголь говорил о первом томе), встал и уже хотел было идти наверх за книгою, но Гоголь сказал: «Да уже лучше я сам вам прочту», и вытащил из кармана тетрадь. Мы обомлели, едва перевели дыхание. Гоголь начал читать первую главу второго тома — первые минуты прошли в смутном состоянии и радости, в опесении, что то, что мы услышим, не будет иметь достоинства прежних сочинений Гоголя. Но вскоре мы убедились, что опасения наши были напрасны. Слава Богу, Гоголь все тот же и еще выше и глубже во втором томе».

В таком же тоне и другие отзывы. С. Аксаков пишет: «Гоголь третьего дня прочел мне одному, даже без Констан-

тина, третью главу Мертвых Душ». До того хорошо, что нет слов. Константин говорит, что это лучше всего. Я утверждаю что нет человека, который мог бы вполне все почувствовать и все обнять с первого раза».

Очень интересно письмо Никитенки о впечатлении, произведенном на него уцелевшими отрывками из Мертвых Душ, с которыми он познакомился уже после смерти Гоголя.

«Рассказывают, пишет Никитенко, что когда дух Гоголя уже омрачился и из деятельной силы он стал переходить в какуюто аскетическую окись он предлагал на сохранение чисто переписанный экземпляр Мертвых Душ, совсем конченых, одному из своих приятелей, говоря ему: «Возьми, брат, это и спрячь, мне иногда кажется, что тут есть кое что хорошее; жаль мне самому, если это пропадет». Приятель же, однако, по неизвестной причине, не хотел это исполнить и высокое создание погибло. Да, высокое, судя по тем главам, которые я слышал. Это решительно одно из тех капитальных творений искусства, которые переживают века. На сцене являются все новые лица, до того типические и живые, что становится страшно, как делалось страшно, когда какаянибудь античная фигура сдвинулась бы вдруг с своего пьедестала и пошла. В последних частях идеи Мертвых Душ переменяют свой характер, и это одна из замечательнейших сторон книги. Выходит, что мертвые души, это не те, которые скупал Чичиков, а души тех, у которых он покупал. Тут сочинение является колоссально величественным, грозным, не поэмою, как он ее называл, а трегедией национальной».

Тот приятель, которому Гоголь чувствуя, что на него надвигается умственное затмение, отдал на хранение законченную рукопись второго тома, оказался мрачным мракобесом, решившим, что не стоит хранить такую рукопись, если сам автор признал ее не угодной Богу. И уничтожил.

Похороны Гоголя носили во истину народный характер.

«Гроб не дали ставить на колесницу, пишет Тургеневу Феоктистов, и на руках донесли до могилы в Даниловом монастыре. Верных 6 верст. Когда тело его лежало в университете, церковь была отперта и даже ночью приходил народ поклониться ему».

Тургенев поместил в «Московских Ведомостях» очень горячую статью о смерти Гоголя и об огромной национальной утрате. И вот Я. Полонский сообщает в письме к Погодину: «Тургенев за статью о Гоголе, помещенную в «Московских Ведомостях», сидит на съезжей куда сажают сроком на месяц» и после был выслан в деревню. А цензор Феоктистов за пропуск этого некролога, в котром не было ни звука политического, был отдан под надзор полиции.

Было это сто лет тому назад и можем ли мы и через столетие сказать, что звучит это анахронизмом, что в наше время такие вещи невозможны?

П. Берлин.